

Н.Н. Страхов и журнал «Вопросы философии и психологии»

*Обращаясь к другим журналам,
я только жадничал, искал побольше
читателей и побольше денег. Но самое
почтенное место, конечно, Ваш журнал.¹*

В конце XIX века в русском обществе остро ощущалась потребность в специальном философском журнале. Оформление и размежевание славянофильского и западнического течений русской мысли в 1840–50-е годы, дискуссии, развернувшиеся в 1860–70-х годах между представителями разных философских направлений, деятельность целой плеяды замечательных русских философов 1870–80-х годов — все это значительно повлияло на развитие интереса к различным философским и мировоззренческим проблемам. Однако философская и научная подготовка читающей публики была недостаточна для обсуждения сложных теоретических вопросов. Решение двуединой задачи — удовлетворить интерес к актуальным проблемам философии, мировоззренческим вопросам и одновременно поднять общекультурный уровень читающей аудитории — было под силу только специальному общероссийскому журналу, отвечающему требованиям философской науки.

Таким журналом стали «Вопросы философии и психологии». Издание задумывалось как теоретический орган Московского психологического общества и было учреждено по предложению купца А.А. Абрикосова 3 декабря 1888 года на очередном заседании общества. Первоначально предполагалось издавать журнал 4 раза в год объемом в 20 печатных листов. Но, идя навстречу пожеланиям подписчиков, редакция приняла решение издавать его 5 раз в год объемом в 15–16 печатных листов. Выходил журнал 1 раз в два месяца. В 1893 году Абрикосов передал приносивший доходы журнал со всем имуществом в распоряжение Психологического общества. Тираж «Вопросов философии и психологии» рос довольно быстро, и уже в 1895 году он достигал 1560-ти экземпляров, что для специального журнала было внушительной цифрой.

Название журнала «Вопросы философии и психологии» было выбрано неслучайно. Ставя перед собой целью «создание учения о жизни силами именно русских ученых и философов», члены редакции полагали, что ее решение невозможно иначе, как только путем открытого обсуждения философских проблем. Для выработки же «синтетического мировоззрения» требовались совокупные усилия всех наук «о духе», в том числе и психологии, увлечение которой в тот период переживал весь ученый мир.

Редакция сформулировала ряд проблем, на решение которых был нацелен журнал. К ним относились развитие русской философской традиции путем углубления национального самосознания, выработка русского философского языка, изучение истории русской философии. Несмотря на национальный характер поставленных задач, в качестве кредо журнал избрал изучение философии других народов, и в первую очередь европейской.

В соответствии с целями деятельности и запросами читающей публики была построена тематическая структура издания. Она включала в себя пять основных блоков: 1) самостоятельные статьи по психологии и философии, а именно основам метафизики, проблемам этики и социальной философии, истории философии и философско-мировоззренческим основаниям научной деятельности; 2) критические статьи и разборы учений и сочинений западноевропейских философов и психологов; 3) общие разборы литературы поименованных наук и отделов философии и библиографии; 4) философская и психологическая критика произведений искусства и научных сочинений по различным отделам знания; 5) переводы классических сочинений по философии древнего и нового времени.

За двадцатидевятилетнее существование журнала в нем сменились четыре редактора. В течение первых шести лет редактором «Вопросов философии и психологии» был Николай Яковлевич Грот (1852–1899), профессор Московского университета и председатель Московского психологического общества в 1887–1898 годах. Когда Грот задумал издавать «Вопросы философии и психологии», многие газеты прямо называли его намерение химерой и пророчили ему неминуемую неудачу. Однако он мастерски справлялся с редакторской работой. В ней проявились энергия и предприимчивость Грота, его способность увлечь и заставить работать каждого, выдающийся организаторский талант и большие литературные и издательские навыки. Успех журнала, безусловно, стал наградой энергии Грота. На страницах своего детища он нередко выступал как автор статей по метафизике, психологии, истории философии. К наиболее значительным публикациям можно отнести серию его статей, вошедших затем в монографии — «Основные моменты в развитии новой философии», «О времени», «О значении идей параллелизма в психологии».

С 1895 года активное участие в редактировании журнала принимал В. П. Преображенский (1864 — 1900). После окончания историко-филологического факультета Московского университета он работал в «Юридическом вестнике», а с 1888 года — в Московском психологическом обществе. Основное внимание Преображенский уделял изучению и переводу трудов А. Шопенгауэра, Лейбница и Спинозы. В «Вопросах философии и психологии» он напечатал статью о Фридрихе Ницше.

После смерти Н.Я. Грота и В.П. Преображенского редактирование журнала взяли на себя князь С.Н. Трубецкой и Л.Н. Лопатин. С именем Сергея Николаевича Трубецкого (1862–1905) связан наиболее «политизированный» период в истории развития журнала. Правда, политика в чистом виде на страницах журнала не присутствовала, хотя князь Трубецкой принимал деятельное участие в земском движении, стал одним из его духовных лидеров. С 1901 года, когда начались студенческие волнения, он активно выступил за введение университетской автономии и в 1905 году был избран ректором Московского университета. Трубецкой неоднократно выступал в журнале со своими статьями, в которых развивал учение, представляющее собой синтез христианства и платонизма: «О природе человеческого сознания», «Основание идеализма», «В защиту идеализма».

После смерти С.Н. Трубецкого в 1905 году пост редактора вплоть до закрытия журнала в 1918 году занимал Лев Михайлович Лопатин (1855–1920), профессор Московского университета, известный русский философ. Он является одним из основоположников персонализма в русской философии. В журнале Лопатин опубликовал множество статей, в которых обосновывал и развивал учение о внутренней однородности мира и единстве его происхождения: «Спиритуализм как монистическая гипотеза», «Настоящее и будущее философии», «Монизм и плюрализм».

За время существования журнала в нем были опубликованы работы 332-х авторов на самые разные темы — от Каббалы и древнекитайской философии до психофизиологии и криминальной психологии. К какому бы философскому течению ни принадлежал редактор, он никогда не отступал от главного принципа — терпимости. «Вопросы философии и психологии» объединяли вокруг себя представителей практически всех направлений и «жанров». Сотрудничество в журнале выдающегося философа, поэта, публициста и литературного критика Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) совпало с периодом его наиболее продуктивной публицистической деятельности конца 80-х–начала 90-х годов XIX века. В это время в центре внимания мыслителя находилась общественно — политическая и религиозная жизнь. Незаурядное литературное дарование, полемический темперамент, нравственный пафос философа превращали каждое его выступление в «Вопросах философии и психологии» в событие. Восторженно публика встретила такие произведения Соловьева, как «Смысл любви», «О добродетелях». Широкий интерес читающей аудитории вызвали напечатанные в журнале работы Алексея Александровича Козлова

(1831–1901) «Сознание Бога и знание о Боге. Воспоминания об онтологическом доказательстве Бытия Божьего», «Новейшее исследование о Платоне», «Позитивизм Конта». Их автор высказывал идею о неограниченной и самопроизвольной творческой активности человеческого духа, направленного на сотворение мира. Первопричиной добра и зла являлась свобода воли и сознания, в выполнении нравственного долга выделялся высший нравственный идеал. Сотрудничали в «Вопросах философии и психологии» гегельянец Борис Николаевич Чичерин (1828–1904), опубликовавший свои «Философию права» и «Реальность и самосознание», неокантианец Петр Бернгардович Струве (1870–1944), написавший для журнала «Свободу и историческую необходимость», и Сергей Николаевич Булгаков, выступивший с работой «О закономерностях социальных явлений».

Своеобразным символом признания журнала стало появление в нем статей Льва Николаевича Толстого «Первая ступень», «К вопросу о свободе воли», «Что такое искусство». Отклики на религиозно — философское учение писателя постоянно звучали со страниц «Вопросов философии и психологии», в том числе и в исполнении Николая Николаевича Страхова. Нужна вводная характеристика — кто такой?

Начало издания первого философского журнала в России не могло оставить его равнодушным. Он чувствовал себя обязанным выразить собственное мнение по поводу вышедшего в свет номера «Вопросов философии и психологии». В письме редактору 18 декабря 1889 года Страхов писал: «В ваш журнал я вполне верю, то есть думаю, что он будет иметь успех. Уже первая книжка показывает, как хорошо вы его ведете. Конечно, я был бы очень рад, если бы мог прислать на ваше усмотрение собственную статью»². Менее чем через год работа над статьей была завершена. 23 ноября 1890 года Н.Н. Страхов поставил свою подпись под сочинением «О законе сохранения энергии», которое было опубликовано в шестой, январской, книге журнала в 1891 году. Может вызвать недоумение тот факт, что написание статьи заняло у Страхова почти год. Однако при ближайшем рассмотрении, учитывая состояние, в котором находилось философское знание в России в 80–90-х годах XIX века, становится очевидным, что размышления «О законе сохранения энергии» не могли быть закончены в короткие сроки: автор с необходимостью ставил себя в положение свидетеля и активного участника научно-философских дискуссий, развернувшихся на университетских кафедрах и страницах журналов.

В центре споров оказался позитивизм — попытка найти «научную философию», опирающуюся на науку и, прежде всего, достижения естествознания второй половины XIX века. Во всех течениях, тяготеющих к «научной философии», можно отметить три основные черты:

1. веру в уникальность научных методов в постижении бытия, преклонение перед научными приемами мысли;
2. убеждение в относительности нашего знания, его постоянной эволюции и невозможности какого-либо «абсолютного» знания;
3. отвержение метафизики.

Под влиянием естественнонаучных открытий складывалось мировоззрение и Николая Николаевича Страхова. Посвящение читателя в историю открытия закона сохранения энергии, перечисление основных аргументов в его пользу, выявление значения закона, — все это было направлено к достижению более глубокого понимания *метода*, с помощью которого произошло открытие закона, служило утверждением возможности его применения в других областях знания, а в первую очередь — философского.

Этим методом, по мнению Страхова, должно стать рациональное обобщение эмпирически полученных данных: «Истина обыкновенно есть некоторое общее положение, а предрассудок — частный факт, утверждаемый в его особенности. Общее положение возникает из понятий, закономерно образующихся в нашем уме, и оно постепенно заявляет свою силу, то есть подчиняет себе частное представление»³. Пытаясь соединить и примирить рационализм и эмпиризм, Страхов подчеркивал, что объединяющее их начало за-

ключается не в одном из них, а выше их, вне мира: «Если мы и не будем приписывать Богу всякое наблюдаемое разнообразие вещей, то, однако, действительное познание, удовлетворяющее всем нашим запросам, должно исходить из этого разнообразия и необходимо приведет нас к Богу, укажет, что только в нем содержится смысл всякого Бытия»⁴.

Заявленная в статье «О законе сохранения энергии» тема соотношения рационального и опытного очень важна для нас: связующей нитью пройдет она через все работы Николая Николаевича Страхова, которые были опубликованы в «Вопросах философии и психологии» и о которых мы будем вести речь ниже.

Через полгода, прошедших с момента публикации первой статьи, в «Вопросах...» появилась вторая статья Н.Н. Страхова, посвященная Льву Николаевичу Толстому. Почему именно ему и почему в журнале Грота?

Страхову было близко религиозно-нравственное учение Толстого, он призывал видеть в сочинениях великого писателя «прежде всего их нравственное содержание вообще, а затем их стремление к христианскому нравучению как к высшему и окончательному»⁵. Вслед за Толстым Страхов утверждал, что «никто не обязан иметь высокий ум, и все обязаны иметь чистую совесть. Всякие человеческие соображения, все наши желания и блага должны отступать на второй план перед стремлением к нравственному совершенству»⁶. В обществе, однако, религиозно — нравственная проповедь Толстого была воспринята неоднозначно, вызвав особо ожесточенное неприятие и сопротивление в среде глубоко верующих людей, считавших, что Толстой хочет поставить свое собственное учение на место учения Божьего. Так, с осуждением взглядов Толстого выступил в «Вопросах философии и психологии» П.Е. Астафьев: «Что нам делать в виду этой страшной медузиной головы, этого колоссального, как по силе и полноте, так и по совершенному отсутствию оснований, осуждения всего нашего бытия в бессмыслии, лжи и разврате»⁷. Эта статья просто возмутила Страхова, она дышала такой яростью, она обращалась с сочинениями великого писателя с таким неуважением и произволом, что Страхов не мог оставаться в бездействии. 30 мая 1891 года он отправил Гроту письмо следующего содержания: «У меня есть статья «Толки о Л.Н. Толстом», которую я напрасно пытался напечатать в разных журналах. Хотя она написана вполне цензурно, редакторы боялись привязки цензуры. Собственно, «Вопросы...» обязаны употребить все усилия для напечатания моей статьи; они так много говорили о Л.Н. Толстом, взвели на него столько обвинений и так решительно приписали ему разные мнения, ничуть им не разделяемые, что точный взгляд на нашего великого писателя, изложенный у меня, должен быть принят в журнале как искупление грехов, как исполнение неотложной обязанности»⁸.

В этой статье Страхов не мог не обратиться к вопросу о значении рационализма в познании. На сей раз, проблема предстала в новом свете — соотношения разума и веры. Ведь главный пункт обвинений, выдвигавшихся против Л.Н. Толстого, состоял в том, что писатель по — своему, то есть рационально, толковал учение Иисуса Христа, а тем самым неизбежно искажал его. В защиту Толстого Страхов привел следующие доводы. Довод 1: «Если хорошенько допросить нас о нашем понимании религиозных истин, то каждый из нас еретичествует в том или ином пункте. И мы спасаемся от ереси только тем, что не придаем никакого значения собственным словам и мыслям, что мы готовы отказаться от них по первому требованию»⁹. Довод 2: «Все мы отчасти рационалисты, потому что во всяком деле мы неизбежно рассуждаем, а если рассуждаем, то, значит, прибегаем к каким — нибудь началам и приемам разума, и даже всегда стараемся проводить эти приемы и начала как можно дальше. Но быть вполне рационалистом, то есть опираться на один только разум, едва ли кто может, почему люди, стремящиеся к полному рационализму, обыкновенно отличаются лишь тем, что больше других отрицают и сомневаются»¹⁰.

Таким образом, на основании вышесказанного становится понятной формула познания, выводимая Страховым: «Вера, разум, опыт».

Вопрос о рационализме на этом, однако, завершен не был. В статье «Ответ на письмо неизвестного», опубликованной в 11 книге «Вопросов философии и психологии» за 1892 год, Страхов был вынужден доказывать, что он «рационализм не проповедывал, а напротив, сказал, что рационализм невозможен. Но всегда нужно опасаться, как бы мы, отрицая безусловный рационализм, не вздумали при этом отказываться от своего ума и своей совести»¹¹.

Размышления Н.Н. Страхова на страницах «Вопросов философии и психологии» о соотношении рационального и эмпирического, материального и идеального нашли свое логическое завершение в последних двух статьях философа, опубликованных в январских книгах журнала за 1894 и 1902 годы. Это были работы «О задачах истории философии» и «Письма о философии» соответственно. Вторая из них, вышедшая в свет уже после смерти Страхова, может рассматриваться как своеобразное завещание по указанной проблеме.

В «Задачах истории философии» Н.Н. Страхов отмечал опасность превращения отдельных, пользующихся особой популярностью в обществе, учений в догму, не только не способствующую истинному познанию, но и преграждающую путь к нему: «Эмпиризм, материализм, сенсуализм, скептицизм принадлежат к учениям, которые, попав в умы людей, постоянно воссоздают все те же взгляды и в тех же формах. Они больше или меньше теряют сознательное отношение к своим основам. Они становятся убеждениями, иногда даже крепкими и деятельными, но с философской точки зрения это почти всегда только предубеждения. Поэтому исповедники таких теорий обыкновенно не умеют доказывать своих положений»¹².

Особую опасность, по мнению философа, представлял возведенный в своего рода научный канон материализм: «Наибольшая неудача историков (*имеются в виду историки философии*) заключается в возведении материализма в достоинство какой-то ступени философского движения... В христианском мире, в мире новой философии, материализм уже невозможен, уже появляется и ищет себе опоры только вне сферы философской мысли»¹³.

Несмотря на все свое желание отказаться от проповеди идеализма, а вместе с ним и рационализма, Страхов, тем не менее, пускается в доказательство их несомненных достоинств, открытых великой школой немецкого идеализма, который указал на идеи как корни нашего познания: «... ищущий высшей и последней философии должен изучать фихтегегелевский идеализм и затем найти отношение этого идеализма к последовавшей критике и трудам последовавших мыслителей, расширять, изменять и отрицать, если нужно, его положения, — словом, развивать его, если окажутся у нас на то силы. Но основы его сохранить придется, потому что, если он и не есть сама философия, то, во всяком случае, одно из действительных воплощений философии. А по закону развития, в каждом новом фазисе основы только раскрываются, уясняются, но не изменяются»¹⁴.

В статье «Письма о философии» Страхов вновь обратился к идее синтеза идеального и материального, умозрительного и наблюдаемого. Для этого он ввел в размышление *иррациональные понятия*, доступные нам до момента рассуждения и действия и составляющие их основу. К иррациональным понятиям относятся такие, как «чувство», «познание», «произвол». Они не являются результатом умозаключения или наблюдения, а наоборот, предшествуют им.

В заключении статьи автор выдвинул сентенцию, которая, очевидно, если не примирила, то, по крайней мере, не обидела представителей обоих лагерей: «Только именно в той точке, где идеальное для нас самих стало также и совершенно реальным, мир мысли стал миром природы, только в этой точке находится последнее, высшее удовлетворение и примирение познания, подобно тому, как исполнение нравственных требований достигается лишь тогда, когда они являются нам уже не как мысли, например, как предписания, а стали природою нашей души и стали в ней действительным»¹⁵.

За «Письмами о философии», по замыслу Страхова, должна была последовать давно обещанная им статья «О естественной системе с логической стороны», где автор думал

выразить убеждения по поводу философии природы. Н.Н. Страхов начал писать статью в ноябре 1895 года, но уже 8 декабря он приносил свои извинения редактору: «Прежде всего должен просить у вас прощения: я не могу приготовить своей статьи к следующей (январской) книге журнала. Статья начата, и я пишу ее с большим старанием; но не могу преодолеть какой-то тяжести головы и пера, — ну, одним словом, статья не будет вам послана к 15 декабря. Однако, я ее допишу и твердо обещаю прислать ее к мартовской книжке, то есть в конце января»¹⁶. Н.Н. Страхову не суждено было исполнить своего обещания: он так быстро заболел и так неожиданно скончался, что не успел сделать никаких распоряжений, в том числе и по поводу готовой почти статьи в «Вопросы философии и психологии».

Творчеству Н.Н. Страхова в журнале были посвящены четыре публикации. Две из них вышли при жизни философа, а другие нашли читателя уже после смерти Страхова 24 января 1896 года и подвели критический итог его философской и литературной деятельности. Мы нарушим принятую очередность рассмотрения статей в порядке их появления в «Вопросах философии и психологии» с тем, чтобы особое внимание уделить отзыву В. Розанова «О борьбе с западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов».

В 1891 году в седьмой книге журнала появилась первая полная на тот момент библиография статей и отдельных трудов Страхова, имеющих отношение к философии. Ее составителем был Я.Н. Колубовский. Библиография вышла в рамках более широкого исследования автора «Материалы для истории философии в России (1855–1888)» и включала в себя перечень 88-ми работ Н.Н. Страхова по философии¹⁷.

Первой статьей памяти Страхова в журнале стала статья его редактора — Николая Яковлевича Грота. Это была не только дань уважения коллеге, с которым Грота связывали профессиональные узы, не только определение оригинальной философской позиции мыслителя (статья называлась «Памяти Страхова. К характеристике его философского мирозерцания»), но и выражение скорби о потере надежного товарища. Н.Н. Страхов поддерживал редактора «Вопросов философии и психологии» в сложные для издания моменты, когда Грот вел борьбу с цензурой, когда ему не давали высказываться вполне, до конца. В письме от 27 ноября 1890 года Страхов писал: «Ваша мысль о прекращении журнала просто испугала меня. Прошу вас, никогда не думайте об этом. Бросить дело, которое идет так успешно и приносит такую пользу! Ведь это будет японское самоубийство! С цензурой нужно бороться, но переносить ее необходимо. Все мы ее терпим и заранее должны сказать себе, что будем работать, что бы она с нами ни делала. 35 лет я пишу под цензурой и, можно сказать, ежеминутно чувствую от нее стеснения. Но еще хуже будет, если перестанем писать. Итак, не падайте духом и не лишайте всех вашего прекрасного журнала!»¹⁸

Характеризуя философские взгляды Н.Н. Страхова, Грот акцентировал внимание на объяснении предпринятой им попытки примирить начала научного реализма с идеалистическими принципами отвлеченной философии. Первую причину Грот усматривает в увлечении Страховым учением Гегеля. Редактор «Вопросов философии и психологии» прямо относит Н.Н. Страхова к «фракции левых гегельянцев»¹⁹. Русский философ в объяснении действительности был последователем гегелевского метода, который привел его к убеждению о нерасторжимости мысли и бытия. Вторая причина дуализма воззрений Страхова заключается в душевной драме, пережитой мыслителем: «Искренне и всецело преданный литературе, несомненно даровитый, исключительно разносторонне образованный и просвещенный, он встречал в своей литературной деятельности до самого зрелого возраста одни только помехи, — грубое непонимание, часто насмешки, или полное игнорирование»²⁰.

Грот опровергает выдвинутые против Страхова обвинения в отсутствии собственной четко выраженной философской позиции. Н.Н. Страхов был, по его мнению, идеалистом. В доказательство мы сами можем привести цитату из «Писем о философии», речь о кото-

рых шла выше: «Старинное положение: человек состоит из души и тела, имеет не совсем точный вид, предполагает как будто, что душа и тело могут быть поставлены наравне. Гораздо правильнее сказать: *человек есть душа, облеченная телом*»²¹. Идеалистические взгляды Страхова, выражающиеся, прежде всего, в безусловном доверии к абсолютному человеческому разуму и силе идеи как единственного критерия существующего, проявляются при его анализе отношений духа и вещества. Признавая духовное начало в качестве высшей реальности, Страхов, однако, не может дать ясного определения идеи как бытия. Это является в высшей степени удивительным, если учесть, что постановку и развитие понятий Страхов считал главным методом своего философствования. Что это? Тупик? Полное исчерпание мысли? Напротив, приближение мысли к истине. Признание непостижимости тайны, с которой мы сталкиваемся в высшей области знания, привело Страхова к убеждению о границах рационализма и пределах самой науки. Ограничение же познания оставляло широкий простор для веры в Высшее начало, в Бога. Не случайно Розанов считал, что центр, к которому тяготел Страхов, о чем бы он ни писал, — это религия.

Статья Н.Я. Грота появилась во второй книге «Вопросов философии и психологии» за 1896 год. Уже в следующей, третьей, книге было опубликовано разгромное сочинение В.А. Гольцева «Страхов как художественный критик». Если в философии Н.Н. Страхов считал себя последователем гегелевского идеализма, то в литературной критике — таланта Аполлона Григорьева. Ему, по словам Страхова, «принадлежит единственный существующий у нас полный взгляд на русскую литературу, то есть взгляд, объемлющий одною мыслью все ее явления и направления, — взгляд, верный до сих пор»²². Однако, как считает Гольцев, теория Аполлона Григорьева не только не получила в статьях Страхова дальнейшего развития, но сделала шаг назад. Обратимся к основным пунктам критики В.А. Гольцева.

1. произвольность суждений и определений. Например, определяя русское самобытное в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», критическому разбору которого Страхов среди своих статей отводил первенствующее значение, он наивно (по мнению Гольцева) спрашивает: «Не вправе ли мы заключить, что к числу существеннейших элементов нашей жизни принадлежит двоякая связь: связь с семейством и связь с государством?»²³ Какой же народ не имеет этой двоякой связи, утверждает Гольцев.

2. ложность занимаемой позиции при эстетической оценке художественного произведения. Если, по мнению Страхова, миропонимание художника неправильно, то есть не сходится с образом мыслей самого критика, то и художественное произведение окажется несовершенным.

3. неоправданное употребление гиперболических оборотов. Для Страхова, например, обновление Пьера Безухова олицетворяет обновление всей России, что, по мнению Гольцева, является преувеличением.

4. смешение задач критика и философа, ярко проявляющееся при оценке Страховым произведения Толстого «Война и мир». Н.Н. Страхов постоянно выходит из роли художественного критика и выражает сочувствие и восхищение идеям разбираемого им автора. Кроме того, гипертрофированно выраженная апологетика Толстого не позволяет Страхову увидеть в суждениях других писателей глубокого понимания и достойной оценки произведений Льва Толстого, которого они «не только не поняли, но даже вовсе о нем не говорили»²⁴. Разоблачая это заблуждение, Гольцев напоминает, что за 13 лет до появления столь высокомерно несправедливого отзыва Страхова Чернышевский восхищался «Севастопольскими рассказами».

5. непоследовательное и несправедливое отношение Страхова к И.С. Тургеневу. В конце статьи о 5-ом и 6-ом томе «Войны и мира» Страхов пишет: «Если братья-славяне попросят теперь у нас книг, то мы не будем, скрепя сердце, посылать им Тургенева, Островского, Некрасова; нет, мы пошлем им этих писателей спокойно и безбоязненно, потому

что вместе с ними пошлем и «Войну и мир»²⁵. Но в своей лучшей критической статье об «Отцах и детях» Н.Н. Страхов назвал Тургенева «образцом писателя, одаренного совершенной подвижностью и вместе глубокою чуткостью, глубокою любовью к современной ему жизни»²⁶.

Таким образом, заключает В.А. Гольцев, «художественная критика Н.Н. Страхова, несмотря на его обширное образование, аналитический ум и большое эстетическое понимание, отличается немалыми противоречиями и неправильными суждениями... Для плодотворного развития художественной критики Н.Н. Страховым почти ничего сделано не было»²⁷.

Мне не хотелось бы заканчивать свой очерк на столь критической ноте. Поэтому в заключении рассмотрим точку зрения В. Розанова, что представляется особенно познавательным, если учесть особый характер отношений между философами.

Вышедшую в четвертой книге «Вопросов философии и психологии» за 1890 год статью «О борьбе с западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов» Грот превратил в наиболее полный комментарий, настроившим читателя на восторженный тон повествования В. Розанова: «Литературно-философская деятельность почтенного Н.Н. Страхова — явление во всяком случае настолько крупное в истории нашего просвещения за последние 30 лет, что попытка освятить ее значение заслуживает полного сочувствия. Возможные увлечения в суждениях автора должны остаться на его личной ответственности»²⁸. Несмотря на пронизывающие всю статью апологетические мотивы, Розанов, на мой взгляд, смог очень точно оценить ряд положений учения Страхова, которые вызвали самое большое количество нареканий и споров.

Статья состоит из трех частей. Первая из них посвящена общепhilosophическим основам творчества Н.Н. Страхова. Главную прелесть чтения произведений философа Розанов видит в чрезвычайной вдумчивости, движении мысли «к темным и неясным сторонам в жизни природы, во всемирной истории и вопросах общественных»²⁹. Несмотря на прозрачность языка, эти мысли очень трудно усвоить — их слишком много, они отрывочны и редко закончены. По мнению Розанова, это происходит потому, что «Страхов ходит вокруг этих областей, тщательно взвешивает все, что о них думали выдающиеся умы разных времен и народов, и вывести из этой темной глубины хоть что —нибудь к свету ясного сознания — вот что составляет его постоянную и тревожную заботу»³⁰. Такой дальний заход позволяет Розанову отвергнуть главный упрек, бросаемый в сторону Страхова академическими формалистами, который состоит в том, что философ не создал ни одного систематического труда, в отличие от, например, его друга Н.Я. Данилевского, разработавшего теорию культурно-исторических типов и выступившего с последовательной критикой дарвинизма. Розанов не жалеет метафор в защиту Страхова: «Его труды — это не величественный храм, который издали привлекает путника, но это — удивительная и разнообразная орнаментация, которую он неожиданно замечает войдя в него, и прихотливые изгибы ее уходят в неопределенную даль»³¹.

Разработать до конца какую-нибудь мысль Страхову помешала большая субъективность, неспособность заинтересоваться подробностями так же сильно, как и целым. И тем не менее, Розанов выделяет две идеи, которые если и не составляют центра всех его мыслей, то находятся и наиболее близко к нему. К этим идеям принадлежит идея рационального естествознания и органических категорий как особых понятий, исходя из которых можно пролить свет на еще неразгаданную область жизни и смерти. Ни разу не названный центр же всех мыслей Страхова составляет, по утверждению Розанова, *религиозное*. «Религиозное составляет область самую важную из тех, которых изредка действительно достойным образом умел касаться человек. Все великие умы в истории явно или скрыто тяготели к этой области, и даже по степени, в которой они испытывали это тяготение, можно судить о их сравнительной силе... Они любили и хотели только религиозного, но, не осмеиваясь любить его прямо, любили его сквозь науку, философию, поэзию»³². Таким образом, Ро-

занов относит Страхова к числу этих выдающихся мыслителей истории. Чтобы еще больше подчеркнуть его уникальность, Розанов пускается в следующие рассуждения: «Среди народов арийского племени, которым религиозное доступно с особенным трудом, появлялись люди, в которых ограниченность их племенной природы как бы подавалась и они самостоятельно и изнутри себя начинали ощущать религиозное. Но, подавшись отчасти, эта природа в главном все-таки сохранилась, и вот почему, не будучи в силах прямо обратиться к религиозному и живо чувствуя недостаточность только внешнего обращения к нему других людей, они искали его в природе, — то изучая ее явления, но как будто с мыслью не о ней, — то изображая ее красоту, но как будто чувствуя при этом красоту чего-то иного. К ряду людей этого типа принадлежит Страхов»³³.

Утвердив религиозное в качестве центра философии Страхова, Розанов подчиняет это центру и литературное творчество мыслителя. Восторженное приветствие Страховым «Войны и мира» и его беспоследовательное отношение к Тургеневу находят объяснение в интересе Страхова к вечным чертам и основам человеческого существования на фоне мимолетного и наносного. Поиск в произведениях Ренана, Штрауса и Милля отраженного в них внутреннего настроения авторов в ущерб рассмотрению объективного значения трудов этих писателей продиктован стремлением уловить в нем отдельный момент в истории человеческой души.

Вторая часть статьи представляет собой изложение основы славянофильства Н.Н. Страхова. Розанов начинает с того, что акцентирует внимание читателей на следующем противоречии: Страхов — рационалист, его душевный склад глубоко теоретичен; всей своей душой он врос в духовный мир Европы, проникся идеями ее философии. В то же самое время Страхов отделяется от западников и становится на сторону славянофилов, озаглавливает лучший сборник своих статей «Борьба с Западом». Не лукавит ли философ? Нет. Розанов полагает, что именно «глубокое вникание в духовную жизнь Европы, долгое и постоянное вращение в сфере ее идей и интересов произвело в конце — концов и его собственное отчуждение от нее. Особенный смысл вражды против западничества, который мы встречаем у Страхова, заключается в том, что чем глубже входим мы в духовный мир Европы и чем теснее сливаемся с ним, тем сильнее поднимается в нас чувство странной неудовлетворенности, необыкновенной душевной усталости»³⁴. В чем же причина этого недовольства, смущения, а порой и ненависти к Европе? Она заключается в том, что Европа не имеет смысла в целом, хотя это целое состоит из множества улучшенных форм всего частного. Участвуя в дискуссиях западников и славянофилов, Страхов вносит свою лепту в спор «всемирно — исторической» важности, потому что «только у нас возник вопрос, следует ли, оставив пути самостоятельного развития, вступить на путь европейской цивилизации, или удержаться от этого? Другие же народы вступают или готовятся вступить на этот путь, не задавшись вопросом, который так смущает нас. Ясно, что то или иное решение, которое мы вынесем для него, будет иметь значение и для *всех* других народов»³⁵.

Розанов выделяет две половины славянофильского отрицания:

1. первая выводится им из исторического прошлого нашего народа и надежд на его будущее. Стремясь к улучшениям, русские могут, по опасениям Розанова, полностью перенять формы европейской цивилизации, растворившись в них без остатка;
2. вторая состоит в отрицании самой европейской цивилизации, которая не может быть универсальной для всего человечества.

Таким образом, Страхов «так страстно тянется прикоснуться к родному, так глубоко понимает его и так высоко ценит именно потому, что так безвозвратно, быть может, порвал жизненную связь с ним, так поверил некогда универсальности европейской цивилизации»³⁶.

Утвердив рационализм в качестве одной из центральных идей творчества Страхова в первой части статьи, раскрыв во второй главную причину славянофильства философа, в

третьей части Розанов объясняет неудовлетворенность Страхова рационализмом, о которой мы уже говорили, рассматривая его публикации в «Вопросах философии и психологии». «Под рационализмом, неудовлетворенность которым почувствовал Страхов, разумеется не какая-нибудь односторонность научного исследования, но дух знания во всей широте его, в целом; и в этом духе, которым он так глубоко проник вначале, ничто не было привлечено тем народом, к которому он принадлежал: он возник и вырос в Западной Европе, как одна из лучших и самых совершенных форм ее развития... Против наук... очевидно не в частностях их, но в целом, поднимается у него чувство общей неудовлетворенности»³⁷.

В завершении очерка приведу слова Розанова: «Цельного мировоззрения Страхов не дает, никакой яркой идеи не высказал, даже ни на один вопрос не ответил ясно и отчетливо, окончательно. Что же сообщает ему такое своеобразие? Он не столько разрешает наши вопросы, сколько научает нас серьезно искать их разрешения; не так наполняет ум, как приготавливает его к принятию истинно-достойного содержания»³⁸.

¹ Из письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Гроту. 30 мая 1891 года.

² Из переписки Н.Я. Грота. Письма Н.Н. Страхова // Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. С-Петербург, 1900. С. 238.

³ *Страхов Н.Н.* О законе сохранения энергии // Вопросы философии и психологии. Кн. 6. 1891. С. 105.

⁴ *Страхов Н.Н.* О законе сохранения энергии // Вопросы философии и психологии. Кн. 6. 1891. С. 131.

⁵ Страхов Н.Н. Толки о Л.Н. Толстом // Вопросы философии и психологии. Кн. 9. 1891. С. 114.

⁶ Страхов Н.Н. Толки о Л.Н. Толстом // Вопросы философии и психологии. Кн. 9. 1891. С. 114.

⁷ Страхов Н.Н. Ответ на письмо неизвестного // Вопросы философии и психологии. Кн. 11. 1892. С. 97.

⁸ Из переписки Н.Я. Грота. Письма Н.Н. Страхова // Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. С-Петербург, 1900. С. 244.

⁹ *Страхов Н.Н.* Толки о Л.Н. Толстом // Вопросы философии и психологии. Кн. 9. 1891. С. 112.

¹⁰ *Страхов Н.Н.* Толки о Л.Н. Толстом // Вопросы философии и психологии. Кн. 9. 1891. С. 109.

¹¹ Страхов Н.Н. Ответ на письмо неизвестного // Вопросы философии и психологии. Кн. 1. 1892. С. 98.

¹² *Страхов Н.Н.* О задачах истории философии // Вопросы философии и психологии. Кн. 1. 1894. С.

15.

¹³ *Страхов Н.Н.* О задачах истории философии // Вопросы философии и психологии. Кн. 1. 1894. С. 30.

¹⁴ *Страхов Н.Н.* О задачах истории философии // Вопросы философии и психологии. Кн. 1. 1894. С. 34.

¹⁵ *Страхов Н.Н.* Письма о философии // Вопросы философии и психологии. Кн. 1. 1902. С. 791–792.

¹⁶ Из переписки Н.Я. Грота. Письма Н.Н. Страхова // Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. С-Петербург, 1900. С. 259.

¹⁷ *Колубовский Я.Н.* Материалы для истории философии в России: IX. Н.Н. Страхов // Вопросы философии и психологии. Кн. 7. 1891. С. 89–122.

¹⁸ Из переписки Н.Я. Грота. Письма Н.Н. Страхова // Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. С-Петербург, 1900. С. 242.

¹⁹ *Грот Н.Я.* Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике его философского мирозерцания // Вопросы философии и психологии. Кн. 2. 1896. С. 300.

²⁰ *Грот Н.Я.* Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике его философского мирозерцания // Вопросы философии и психологии. Кн. 2. 1896. С. 334.

²¹ *Страхов Н.Н.* Письма о философии // Вопросы философии и психологии. Кн. 1. 1902. С. 794.

²² *Гольцев В.А.* Н.Н. Страхов как художественный критик // Вопросы философии и психологии. Кн. 3. 1896. С. 431.

²³ *Гольцев В.А.* Н.Н. Страхов как художественный критик // Вопросы философии и психологии. Кн. 3. 1896. С. 433.

²⁴ *Гольцев В.А.* Н.Н. Страхов как художественный критик // Вопросы философии и психологии. Кн. 3. 1896. С. 436.

²⁵ *Гольцев В.А.* Н.Н. Страхов как художественный критик // Вопросы философии и психологии. Кн. 3. 1896. С. 437.

²⁶ *Гольцев В.А.* Н.Н. Страхов как художественный критик // Вопросы философии и психологии. Кн. 3. 1896. С. 437.

- ²⁷ Гольцев В.А. Н.Н. Страхов как художественный критик // Вопросы философии и психологии. Кн. 3. 1896. С. 440.
- ²⁸ Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн.4. 1890. С. 27.
- ²⁹ Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн. 4. 1890. С. 29.
- ³⁰ Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн. 4. 1890. С. 29–30.
- ³¹ Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн. 4. 1890. С. 30.
- ³² Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн. 4. 1890. С. 34.
- ³³ Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн. 4. 1890. С. 35–36.
- ³⁴ Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн. 4. 1890. С. 43.
- ³⁵ Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн. 4. 1890. С. 46.
- ³⁶ Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн. 4. 1890. С. 52.
- ³⁷ Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн. 4. 1890. С. 54–55.
- ³⁸ Розанов В. О борьбе с Западом в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // Вопросы философии и психологии. Кн. 4. 1890. С. 63–64.